

Стихотворения

Из книги «Перекрестки»

(1889)

ЛЕГЕНДА

Создатель звезд и неба
Уселся жарким днем
На площади базарной
Под каменным крестом.

Вокруг ходили люди,
Шатался всякий сброд.
Сказал он: «На молитве
Стоит небесный свод».

Профессор, мимо проходя,
Воскликнул: «Что за вздор!
Неужто этим басням
Люди верят до сих пор?»

Мэр от роду был тугоух,
Почудился ему
Какой-то шум. «Да это бунт!
Вот я вас всех в тюрьму!»

Епископ шел, держа Псалтырь
В морщинистых руках.
Он понял: что-то говорят
О Божеских делах.

«Кощунство! — возмутился он. —
Молчать, еретики!»
И тут же разогнал народ
Велением руки.

По опустевшей площади
Проковылял петух,
И отмахнулся конь хвостом
От надоевших мух.

И улетел Создатель Звезд,
Слезинку уронив,
И вот, где прежде град стоял, —
Лишь озеро среди нив.

ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК

Там, среди лесов зеленых,
В болотистой глуши,
Где, кроме цапель сонных,
Не встретишь ни души, —
Там у нас на острове
Есть в укромном тайнике
Две корзины
Красной краденой малины.

*О дитя, иди скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя,
что другой дороги нет.*

Там, где под светом лунным
Волнуется прибой,
По отмелям и дюнам,
Где берег голубой,

Мы кружимся, танцую
Под музыку ночную
Воздушной толпой;
Под луною колдовской
Мы парим в волнах эфира —
В час, когда тревоги мира
Отравляют сон людской.

*О дитя, иди скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя,
что другой дороги нет.*

Там, где с вершины горной,
Звеня, бежит вода
И в заводи озерной
Купается звезда,
Мы дремлющей форели
На ушко еле-еле
Нашептываем сны,
Шатром сплетаем лозы —
И с веток бузины
Отряхиваем слезы.

*О дитя, иди скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя,
что другой дороги нет.*

И он уходит с нами,
Счастливый и немой,
Прозрачными глазами
Вбирая блеск ночной.

Он больше не услышит,
Как дождь стучит по крыше,
Как чайник на плите
Бормочет сам с собою,
Как мышь скребется в темноте
За сундуком с крупкою.

*Он уходит все скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя,
что другой дороги нет.*

ИНДУС О БОГЕ

Я брел под влажною листвою вдоль берега реки,
Закат мне голову кружил, вздыхали тростники,
Кружилась голова от грез, и я увидел вдруг
Худых и мокрых цапель, собравшихся вокруг

Старейшей и мудрейшей, что важно изрекла:
«Держащий в клюве этот мир, творец добра и зла —
Бог-Цапля всемогущий, его чертог высок:
Дождь — брызги от его крыла, луна — его зрачок».

Пройдя еще, я услышал, как лотос толковал:
«На длинном стебле тот висит, кто мир наш создавал;
Я — лишь подобье Божества, а бурная река —
Одна росинка, что с его скользнула лепестка».

В потемках маленький олень с мерцаньем звезд
в глазах
Промолвил тихо: «Наш Господь, Гремящий
в Небесах, —
Олень прекрасный, ибо где иначе взял бы он
Красу, и кротость, и печаль, чтоб я был сотворен?»

Пройдя еще, я услышал, как рассуждал павлин:
«Кто создал вкусных червяков и зелень луговин —
Павлин есть превеликий, он в томной мгле ночей
Кольшет в небе пышный хвост с мириадами огней».

ПЛАЦ, КОРАБЛЬ И БАШМАЧКИ

«Кому такой красивый плац?»

«Я сшил его Печали.
Чтоб был он виден издали
И восхищаться все могли
Одеждами Печали».

«А парус ладишь для чего?»

«Для корабля Печали.
Чтоб, крыльев чаячьих белей,
Скитался он среди морей
Под парусом Печали».

«А войлочные башмачки?»

«Они для ног Печали.
Чтоб были тихи и легки
Неуловимые шаги
Подкравшейся Печали».

ПЕСНЯ СЧАСТЛИВОГО ПАСТУХА

В лесах Аркадских — тишина,
Не водят нимфы круг веселый;
Мир выбросил игрушки сна,

Чтоб забавляться Правдой голой, —
Но и она теперь скучна.

Увы, пресыщенные дети!
Все быстротечно в этом свете:
Ужасным вихрем сметены,
Летят под дудку Сатаны
Державы, скиптры, листья, лики...
Уносятся, мелькнув едва;
Надежны лишь одни слова.
Где ныне древние владыки,
Бранелюбивые мужи,
Где грозные цари — скажи?
Их слава стала только словом,
О ней твердят учителя
Своим питомцам бестолковым...
А может, и сама Земля
В звенящей пустоте Вселенной —
Лишь слово, лишь внезапный крик,
Смутивший на короткий миг
Ее покой самозабвенный?

Итак, на древность не молись,
В пыли лежат ее свершенья;
За истиною не гонись —
Непрочно это утешенье;
Верь только в сердце и в судьбу
И звездочетам не завидуй,
Следящим в хитрую трубу
За ускользящей планидой.
Нетрудно звезды перечесть
(И в этом утешенье есть),
Но звездочетов ты не слушай,
Не верь в ученые слова:

Холодный, звездный яд их души
Разъел, и правда их — мертва.

Ступай к рокочущему морю,
И там ракушку подбери
С изнанкой розовой зари, —
И всю свою печаль, все горе
Ей шепотом проговори
И погоди одно мгновенье:
Печальный отклик прозвучит
В ответ, и скорбь твою смягчит
Жемчужное, живое пенье,
Утешит с нежностью сестры:
Одни слова еще добры,
И только в песне — утешенье.

А мне пора; там, где нарцисс,
Грустя, склоняет венчик вниз,
Могила есть в глуши дубравной;
Туда мне надо поспешить,
Чтоб песенками рассмешить
Хоть на часок беднягу фавна.
Давно уже он в землю лег,
А все мне чудится: гуляет
Он в этих рощах, — на лужок,
Промокший от росы, ступает,
И распустившийся цветок
С ужимкой важной обоняет,
И слышит звонкий мой рожок.

О снов таинственный исток!
И это все — твое владенье.
Возьми, я для тебя сберег
Из мака сонного венки:
Есть и в мечтаньях утешенье.

СТАРЫЙ РЫБАК

Ах, волны, танцуете вы, как стайка детей! —
Но шум ваш притих, и прежний задор ваш пропал:
Волны были беспечней, и были июли теплей,
Когда я мальчишкой был и горя не знал.

Давно уж и сельдь от этих ушла берегов,
А сколько скрипело тут прежде — кто б рассказал! —
Телег, отвозивших в Слайго на рынок улов,
Когда я мальчишкой был и горя не знал.

И, гордая девушка, ты уж не так хороша,
Как те, недоступные, между сетями у скал
Бродившие в сумерках, теплою галькой шурша,
Когда я мальчишкой был и горя не знал.

Из книги «Роза»

(1893)

РОЗЕ, РАСПЯТОЙ НА КРЕСТЕ ВРЕМЕН

Печальный, гордый, алый мой цветок!
Приблизься, чтоб, вдохнув, воспеть я мог
Кухулина в бою с морской волной,
И вещего друида под сосной,
Что Фергуса в лохмотья снов облек,
И скорбь твою, таинственный цветок,
О коей звезды, осыпаясь в прах,
Поют в незабываемых ночах.
Приблизься, чтобы я, прозрев, обрел
Здесь, на земле, среди любвей, и зол,
И мелких пузырей людской тщеты,
Высокий путь бессмертной красоты.

Приблизься — и останься так со мной,
Чтоб, задохнувшись розовой волной,
Забуть о скучных жителях земли:
О червяке, возящемся в пыли,
О мыши, пробегающей в траве,
О мыслях в глупой смертной голове, —
Чтобы вдали от троп людских, в глуши,
Найти глагол, который Бог вложил
В сердца навеки смолкнувших певцов.
Приблизься, чтоб и я в конце концов
Пропеть о славе древней Эрин смог:
Печальный, гордый, алый мой цветок!

ФЕРГУС И ДРУИД

Фергус

Весь день я гнался за тобой меж скал,
А ты менял обличья, ускользя:
То ветхим вороном слетал с уступа,
То горностаем прыгал по камням,
И наконец в потемках подступивших
Ты предо мной явился стариком
Сутулым и седым.

Друид

Чего ты хочешь,
Король над королями Красной Ветви?

Фергус

Сейчас узнаешь, мудрая душа.
Когда вершил я суд, со мною рядом
Был молодой и мудрый Конхобар.
Он говорил разумными словами,
И все, что было для меня безмерно
Тяжелым бременем, ему казалось
Простым и легким. Я свою корону
Переложил на голову его,
И с ней — свою печаль.

Друид

Чего ты хочешь,
Король над королями Красной Ветви?

Фергус

Да, все еще король — вот в чем беда.
Иду ли по лесу иль в колеснице
По белой кромке мчусь береговой
Вдоль плещущего волнами залива, —
Все чувствую на голове корону!

Друид

Чего ж ты хочешь?

Фергус

Сбросить этот груз

И мудрость вещую твою постигнуть.

Друид

Взгляни на волосы мои седые,
На щеки впалые, на эти руки,
Которым не поднять меча, на тело,
Дрожащее, как на ветру тростник.
Никто из женщин не любил меня,
Никто из воинов не звал на битву.

Фергус

Король — глупец, который тратит жизнь
На то, чтоб возвеличивать свой призрак.

Друид

Ну, коли так, возьми мою котомку.
Развяжешь — и тебя обступят сны.

Фергус

Я чувствую, как жизнь мою несет
Неудержимым током превращений.
Я был волною в море, бликом света
На лезвии меча, сосною горной,
Рабом, вертящим мельницу ручную,
Владыкою на троне золотом.
И все я ощущал так полно, сильно!
Теперь же, зная все, я стал ничем.
Друид, друид! Какая бездна скорби
Скрывается в твоей котомке серой!

РОЗА МИРА

Кто скажет, будто красота лишь сон?
За этих губ трагический изгиб —
Его в раю забыть вы не смогли б! —

Вознесся дымом в небо Илион,
Сын Уснеха погиб.

Под бурей, мчащейся издалека,
Все рушится, что человек воздвиг;
Народы и века пройдут как миг,
И звезды сдует словно облака,
Лишь вечен этот лик.

Склонитесь молча, ангелы, вокруг;
Пока она блуждала без дорог
В пустынных безднах, милосердный Бог
Узрел скиталицу — и мир, как луг,
Ей постелил у ног.

РОЗА ЗЕМНАЯ

Когда б Архангел Михаил,
Водитель Божьих сил,
Глаза с небес к тебе склонил,
Он бы про меч забыл;

Забыл бы он свой долг и пост
И спор Добра и Зла,
Чтоб свить венок из ярких звезд
Для твоего чела.

Тогда, увидев, как тебя
Земля и Небо чтят,
Народы, благо возлюбя,
Пришли бы в Божий град.

На свете стихла бы вражда,
Господь простер бы Длань —
И усмирилась навсегда
Небес и Ада брань.

ПЕСНЯ СИДОВ,

*спетая над Диармидом и Грайне,
уснувшими сном любви под древним кромлехом*

Мы, что старей царств и царей,
Тех, что прошли, —
Тысячи лет нам, полузапретным
Духам земли;

Дарим мы этим найденным детям
Мир и покой,
Час этот росный, чащу и звездный
Полог ночной;

Дарим мы этим найденным детям
Отдых от зла,
Чтобы забыть им в тихом укрытье
Мира дела.

Мы, что старей царств и царей,
Тех, что прошли!
Тысячи лет нам, полузапретным
Духам земли.

ОСТРОВ ИННИШФРИ

Я стяхну этот сон — и уйду в свой озерный приют,
Где за тихой волною лежит островок Иннишфри;
Там до вечера в травах, жужжа, медуницы снуют
И сверчки гомонят до зари.

Там из веток и глины я выстрою маленький кров,
Девять грядок бобов посажу на делянке своей;
Там закат — мельтешение крыльев и крики вьюрков,
Ночь — головокруженье огней.

Я стяхну этот сон — ибо в сердце моем навсегда,
Где б я ни был, средь пыльных холмов или каменных сот,
Слышу: в глинистый берег озерная плещет вода,
Чую: будит меня и зовет.

ПЕЧАЛЬ ЛЮБВИ

Под старой крышей гомон воробьев,
И блеск луны, и млечный небосклон,
И шелест листьев, их певучий зов,
Земного горя заглушили стон.

Восстала дева с горькой складкой рта
В великой безутешности своей —
Как царь Приам пред гибелью, горда,
Обречена, как бурям Одиссей.

Восстала, — и раздоры воробьев,
Луна, ползущая на небосклон,
И ропот листьев, их унылый зов,
Слились в один земного горя стон.

НА МОТИВ РОНСАРА

Когда ты станешь старой и седой,
Припомни, задремав у камелька,
Стихи, в которых каждая строка,
Как встарь, горька твоею красотой.

Слыхала ты немало на веку
Безумных клятв, безудержных похвал;
Но лишь один любил и понимал
Твою бродяжью душу и тоску.

И вспоминая отошедший пыл,
Шепни, к поленьям тлеющим склоняясь,
Что та любовь, как искра, унеслась
И канула среди ночных светил.

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

Зачем мы не белые птицы над пенной зыбью морской!
Еще метеор не погас, а уже мы томимся тоской;
И пламень звезды голубой, озарившей пустой небоскат,
Любовь моя, вещей печалью в глазах твоих вечных
распят.

Усталость исходит от этих изнеженных лилий и роз;
Огонь метеора мгновенный не стоит, любовь моя, слез;
И пламень звезды голубой растворится в потемках
как дым:
Давай в белых птиц превратимся и в темный простор
улетим.

Я знаю: есть остров за морем, волшебный затерянный
брег,
Где Время забудет о нас и Печаль не отыщет вовек;
Забудем, моя дорогая, про звезды, слезящие взор,
И белыми птицами канем в качающий волны простор.

КТО ВСЛЕД ЗА ФЕРГУСОМ?

Кто вслед за Фергусом готов
Гнать лошадей во тьму лесов
И танцевать на берегу?
О юноша, смелее глянь,
О дева юная, воспрянь,
Оставь надежду и тоску.

Не прячь глаза и не скорби
Над горькой тайною любви,
Там Фергус правит в полный рост —
Владыка медных колесниц,
Холодных волн и белых птиц
И кочевых косматых звезд.

ЖАЛОБЫ СТАРИКА

Я укрываюсь от дождя
Под сломанной ветлой,
А был я всюду званый гость
И парень удалой,
Пока пожар моих кудрей
Не сделался золой.

Я вижу — снова молодежь
Готова в бой и в дым
За всяким, кто кричит «долой»
Тиранам мировым,
А мне лишь Время — супостат,
Враждую только с ним.

Не привлекает никого
Трухлявая ветла.
Каких красавиц я любил!
Но жизнь прошла дотла.
Я времени плюю в лицо
За все его дела.

ИРЛАНДИИ ГРЯДУЩИХ ВРЕМЕН

Знай, что и я в конце концов
Войду в плеяду тех певцов,

Кто дух ирландский в трудный час
От скорби и бессилья спас.
Мой вклад ничуть не меньше их:
Недаром вдоль страниц моих
Цветет кайма из алых роз —
Знак той, что вековечней грез
И Божьих ангелов древней!
Средь гула бесноватых дней
Ее ступней летящий шаг
Вернул нам душу древних саг;
И мир, подъявля свечи звезд,
Восстал во весь свой стройный рост;
Пусть так же в стройной тишине
Растет Ирландия во мне.

Не меньше буду вознесен,
Чем Дэвис, Мэнган, Фергюсон;
Ведь для способных понимать
Могу я больше рассказать
О том, что скрыла бездны мгла,
Где спят лишь косные тела;
Ведь над моим столом снуют
Те духи мира, что бегут
Нестройной суеты мирской —
Быть ветром, бить волной морской;
Но тот, в ком жив заветный строй,
Расслышит ропот их живой,
Уйдет путем правдивых грез
Вслед за каймой из алых роз.
О танцы фей в сияньи лун! —
Земля друидов, снов и струн.

И я пишу, чтоб знала ты
Мою любовь, мои мечты;
Жизнь, утекающая в прах,
Мгновенней, чем ресничный взмах;

И страсть, что Маятник времен
Звездой вознес на небосклон,
И весь полночных духов рой,
Во тьме снующих надо мной,
Уйдет туда, где, может быть,
Нельзя мечтать, нельзя любить,
Где дует вечности сквозняк
И Бога раздается шаг.
Я сердце вкладываю в стих,
Чтоб ты среди времен иных
Узнала, что я в сердце нес —
Вслед за каймой из алых роз.

Из книги «Ветер в камышах»

(1899)

ВОИНСТВО СИДОВ

Всадники скачут от Нок-на-Рей,
Мчат над могилою Клот-на-Бар,
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав кличет: *Скорей, скорей!*
Выкинь из сердца смертные сны,
Кружатся листья, кони летят,
Волосы ветром относит назад,
Огненны очи, лица бледны.
Призрачной скачки неистов пыл,
Кто нас увидел, навек пропал:
Он позабудет, о чем мечтал,
Все позабудет, чем прежде жил.
Скачут и кличут во тьме ночей,
И нет страшней и прекрасней чар;
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав громко зовет: *Скорей!*

ВЕЧНЫЕ ГОЛОСА

Молчите, вечные голоса!
Летите к стражам райских отар:
Пускай они, забыв небеса,
Блуждают по миру, как племена.

Ваш зов для сердца безмерно стар,
Поют ли птицы, шумят леса,
Гудит ли ветер, поет волна, —
Молчите, вечные голоса!

В СУМЕРКИ

Дряхлое сердце мое, очнись,
Вырвись из плена дряхлых дней!
В сумерках серых печаль развей,
В росы рассветные окунись.

Твоя мать, Эйре, всегда молода,
Сумерки мглисты и росы чисты,
Хоть любовь твою жгут языки клеветы
И надежда сгинула навсегда.

Сердце, уйдем к лесистым холмам,
Туда, где тайное братство луны,
Солнца, и неба, и крутизны
Волю свою завещает нам.

И Господь трубит на пустынной горе,
И вечен полет времен и планет,
И любви нежнее — сумерек свет,
И дороже надежды — роса на заре.

ПЕСНЯ СКИТАЛЬЦА ЭНГУСА

Я вышел в темный лес ночной,
Чтоб лоб горящий остудить,
Орешниковый срезал прут,
Содрал кору, приладил нить.

И в час, когда светлела мгла
И гасли звезды-мотыльки,
Я серебристую форель
Поймал на быстрине реки.

Я положил ее в траву
И стал раскладывать костер,
Как вдруг услышал чей-то смех,
Невнятный тихий разговор.
Предстала дева предо мной,
Светясь, как яблоневый цвет,
Окликнула — и скрылась прочь,
В прозрачный канула рассвет.

Пускай я стар, пускай устал
От косогоров и холмов,
Но чтоб ее поцеловать,
Я снова мир пройти готов,
И травы мять, и с неба рвать,
Плоды земные разлюбив,
Серебряный налив луны
И солнца золотой налив.

ДУХИ

О'Дрисколл гулял ввечеру
У топких речных берегов —
И селезня с уткой спугнул
Из темных густых тростников.

Давно уж закат отгорел,
А он все бродил там в мечтах
О Бриджет, невесте своей,
Пушистых ее волосах.

Вдруг слышит он дудку вдали —
Там кто-то играл среди полей,
И не было песни грустней,
И не было веселей.

Увидел он дев и парней,
Плясавших среди луга кольцом,
И Бриджет была среди них
С веселым и грустным лицом.

Они окружили его,
Любезную речь завели —
И красного в кружке вина,
И хлеба ему поднесли.

Но Бриджет его увела
Туда, где в тени под горой
Сидели кружком старики,
Картежной увлекшись игрой.

Был весь этот призрачный рой
Зыбучим, подобно волне;
Он сел к старикам и играл,
Сидел и играл, как во сне.

Он карты тянул и метал,
От них оторваться не мог, —
Пока его Бриджет с собой
Какой-то плясун не увлек.

Из круга ее он унес,
Как муху уносит паук,
И струи девичьих волос
Текли у него между рук.

О'Дрисколл колоду швырнул,
Очнулся от вязкого сна;
Виденье исчезло, как дым,
Над лугом всходила луна.

И дудка играла вдали,
Играла вдали средь полей,
И не было песни грустней,
И не было веселей.

ВЛЮБЛЕННЫЙ РАССКАЗЫВАЕТ О РОЗЕ, ЦВЕТУЩЕЙ В ЕГО СЕРДЦЕ

Все, что на свете грустно, убого и безобразно:
Ребенка плач у дороги, телеги скрип за мостом,
Шаги усталого пахаря и всхлипы осени грязной —
Туманит и искажает твой образ в сердце моем.

Как много зла и печали! Я заново все перестрою —
И на холме одиноко прилягу весенним днем,
Чтоб стали земля и небо шкатулкою золотою
Для грез о прекрасной розе, цветущей в сердце моем.

НЕУКРОТИМОЕ ПЛЕМЯ

Дети Даны смеются в люльках своих золотых,
Жмурятся и лепечут, не закрывают глаз,
Ибо северный ветер умчит их с собою в час,
Когда стервятник закружит между вершин крутых.
Я целую дитя, что с плачем жметя ко мне,
И слышу узких могил вкрадчиво-тихий зов;
Ветра бездомного крик над перекатом валов,
Ветра бездомного дрожь в закатном огне,

Ветра бездомного стук в створы небесных врат
И адских врат; и духов гонимых жалобы, визг и вой.
О сердце, пронзенное ветром! Их неукротимый рой
Роднее тебе Марии Святой, мерцанья ее лампад!

**ОН СКОРБИТ О ПЕРЕМЕНЕ,
СЛУЧИВШЕЙСЯ С НИМ И ЕГО ЛЮБИМОЙ,
И ЖДЕТ КОНЦА СВЕТА**

Белая лань безрогая, слышишь ли ты мой зов?
Я превратился в гончую с рваной шерстью на тощих
боках;
Я был на Тропе Камней и в Чаще Длинных Шипов,
Потому что кто-то вложил боль и ярость, желанье
и страх
В ноги мои, чтоб я гнал тебя ночью и днем.
Странник с ореховым посохом взглянул мне в глаза,
Взмахнул рукой — и скрылся за темным стволом;
И стал мой голос — хриплым лаем гончего пса.
И время исчезло, как прежний мой образ исчез;
Пускай Кабан Без Щетины с Заката придет скорей,
И выкорчует солнце, и месяц, и звезды с небес,
И уляжется спать, ворча, во мгле без теней.

ОН ПРОСИТ У СВОЕЙ ЛЮБИМОЙ ПОКОЯ

Я слышу Призрачных Коней, они летят как гром —
Разметанные гривы и молнии очей;
Над ними Север распростер ползучий мрак ночей,
Восток занялся бледным, негреющим костром,
А Запад плачет в росах, последний пряча свет,
А Юг разлил пыланье пунцово-красных роз...
О тщетность Сна, Желанья и всех Надежд и Грез! —
В густую глину впахан Коней зловещих след.

Любимая, закрой глаза, пусть сердце твое стучит
Над моим, а волосы — волной мне упадут на грудь,
Чтоб хоть на час в них утонуть, их тишины

вдохнуть —

Вдали от тех косматых грив и грохота копыт.

ОН ВСПОМИНАЕТ ЗАБЫТУЮ КРАСОТУ

Обняв тебя, любовь моя,
Всю красоту объемлю я,
Что канула во тьму времен:
Жар ослепительных корон,
Схороненных на дне озер;
И томных вымыслов узор,
Что девы по канве вели, —
Для пированья гнусной тли;
И нежный, тленный запах роз
Средь волн уложенных волос;
И лилии — у алтарей,
Во мраке длинных галерей,
Где так настоен фимиам,
Что слезы — на глазах у дам.
Как ты бледна и как хрупка!
О, ты пришла издалека,
Из прежних, призрачных эпох!
За каждым поцелуем — вздох...
Как будто красота скорбит,
Что все погибнет, все сгорит,
Лишь в бездне бездн, в огне огней
Чертог останется за ней,
Где стражи тайн ее сидят
В железном облачении лат,
На меч склонившись головой,
В задумчивости вековой.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Кружков. У. Б. Йейтс. «Сохранить в душе ирландство» . . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги «Перекрестки» (1889)

Легенда	23
Пропавший мальчик	24
Индус о Боге	26
Плащ, корабль и башмачки	27
Песня счастливого пастуха	27
Старый рыбак	30

Из книги «Роза» (1893)

Розе, распятой на Кресте Времен	31
Фергус и друид	32
Роза мира	33
Роза земная	34
Песня сидов	35
Остров Иннишфри	35
Печаль любви	36
На мотив Ронсара	36
Белые птицы	37
Кто вслед за Фергусом?	37
Жалобы старика	38
Ирландии грядущих времен	38

Из книги «Ветер в камышах» (1899)

Воинство сидов	41
Вечные голоса	41
В сумерки	42

Песня скитальца Энгуса	42
Духи	43
Влюбленный рассказывает о розе, цветущей в его сердце	45
Неукротимое племя	45
Он скорбит о перемене, случившейся с ним и его любимой, и ждет конца света	46
Он просит у своей любимой покоя	46
Он вспоминает забытую красоту	47
Он мечтает о парче небес	48
Шутовской колпак	48
Долина Черной Свины	49
Он хочет, чтобы его любимая умерла	50
К своему сердцу, с мольбой о мужестве	50
Он просит свою подругу не забывать старых друзей	50
Скрипач из Дууни	51
БАЙЛЕ И АЙЛЛИН. Поэма (1901)	52
<i>Из книги «В семи лесах» (1903)</i>	
В семи лесах	60
Ложь утешений	60
Не отдавай любви всего себя	61
Проклятие Адама	61
Блаженный вертоград	63
<i>Из книги «Зеленый шлем и другие стихотворения» (1910)</i>	
Слова	65
Нет другой Трои	65
Азарт преодолений	66
Мудрость приходит в срок	66
Одному поэту, который предлагал мне похвалить весьма скверных поэтов, его и моих подражателей	67
На скачках в Голуэе	67
Соблазны	67
<i>Из книги «Ответственность» (1914)</i>	
Сентябрь 1913 года	69
Другу, чьи труды пошли прахом	70

Скорей бы ночь	70
Как бродяга плакался бродяге	71
Дорога в рай	72
Ведьма	72
Могила в горах	73
Плащ	73

Из книги «Дикие лебеди в Куле» (1919)

Мраморный тритон	74
Заячья косточка	74
Соломон — царице Савской	75
Знатоки	76
След	76
Воздушный шар	77
Фазы луны	77
Кот и луна	82
Две песенки дурака	83
Еще одна песенка дурака	84

Из книги «Майкл Робартис и плясунья» (1921)

Майкл Робартис и плясунья	85
Соломон и колдунья	87
Политической узнице	88
Второе пришествие	89

Из книги «Башня» (1928)

Плавание в Византию	91
Размышления во время гражданской войны	92
Тысяча девятьсот девятнадцатый	99
Юность и старость	104
Новые лица	104
Леда и Лебедь	104
Черный кентавр. По картине Эдмунда Дюлака	105
Среди школьников	105
Дева, герой и дурак	108
Из цикла «Возрасты»	
Пустой кувшин	109
Сверстники	110

*Из книги «Винтовая лестница
и другие стихотворения» (1933)*

Памяти Эвы Гор-Бут и графини Маркевич	111
Разговор поэта с душой	112
Кровь и луна	115
Три эпохи	117
Выбор	117
Византия	117
Сомнение	118
Сожалею о сказанном сторяча	122
Река и солнце в Глендалохе	122
Из цикла «Слова, возможно, для музыки»	
Безумная Джейн и епископ	123
Безумная Джейн о Боге	124
Безумная Джейн говорит с епископом	125
Колыбельная	126
В непогоду	126
«Я родом из Ирландии»	127
Том-сумасшедший	128
Из цикла «Женщина в молодости и в старости»	
Триумф женщины	129
Расставание	129

Из книги «Полнолуние в марте» (1935)

Молитва старика	131
Из цикла «Магические песни»	
Отшельник Рибх у могилы Байле и Айллин	131
Четыре возраста человека	132
Ушко иглы	133
Гора Меру	133

Из «Последних стихотворений» (1936–1939)

Круги	134
Ляпис-лазурь	135
Три куста	136
Первая песня госпожи	139
Первая песня служанки	139
Песня влюбленного	140

Клочок лужайки	140
Что потом?	141
Олимпийское племя	142
Проклятие Кромвеля	142
О'Рахилли	144
Песня парнеллитов	145
Буйный старый греховодник	146
Великий день	148
Шпоры	148
Паломник на Святом озере	148
Водомерка	149
Джон Кинселла за упокой Мэри Мор	150
Высокий слог	151
Парад-алле	152
Человек и Эхо	154
Кухулин примиренный	155
Черная башня	156
В тени Бен-Балбена	157

ПЬЕСЫ

Туманные воды (1906)	163
Графиня Кэтлин (1892–1916)	195
На королевском пороге (1903)	247
Ястребиный источник (1917)	285
Последняя ревность Эмер (1919)	298
Чистилище (1939)	314
Смерть Кухулина (1939)	324

PER AMICA SILENTIA LUNAE (1917)

Пролог	339
Ego Dominus Tuus	340
Anima Hominis	343
Anima Mundi	359
Эпилог	381
Комментарии. Г. Кружков	383